

УДК 343.10
ББК 67.408.135

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, НЕОБХОДИМЫЕ ДЛЯ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О РАСПРОСТРАНЕНИИ ФЕЙКОВ, И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИХ ДОКАЗЫВАНИЯ

В. А. Семенцов

Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия)

В статье анализируются научные подходы к установлению обязательных фактов, необходимых для наступления уголовной ответственности за публичное распространение заведомо ложной (фейковой) информации под видом достоверной, когда отмечается существенный рост такой информации в российском сегменте интернета. Высказано мнение о том, что предмет доказывания по уголовным делам о распространении фейков подлежит конкретизации и детализации, а в числе обстоятельств, подлежащих доказыванию, требуется определить распространяемую информацию как вредоносную, ее заведомую ложность и распространение под видом достоверной, а также публичность такого распространения.

Обосновывается, что собирание доказательств по преступлениям о распространении заведомо ложной (фейковой) информации представляет существенную сложность, обусловленную уточненным кругом подлежащих доказыванию обстоятельств и спецификой следов, их локализацией, характером, способами изъятия и последующего сохранения. В области законодательного регулирования уголовно-процессуальной деятельности по собиранию доказательств предлагается производить не только традиционные следственные действия (осмотр места происшествия, осмотр предметов, назначение и производство судебных лингвистических и других экспертиз, обыск и выемку), но и новую разновидность осмотра — интернет-ресурсов, информационного пространства мессенджеров, социальных сетей и др.

Ключевые слова: заведомо ложная информация, предмет доказывания, собирание доказательств, осмотр интернет-ресурсов

THE CIRCUMSTANCES NECESSARY FOR THE QUALIFICATION OF AN ACT IN CRIMINAL CASES ON THE DISSEMINATION OF FAKES AND SOME FEATURES OF THEIR PROOF

V. A. Sementsov

Kuban State University (Krasnodar, Russia)

The article analyzes scientific approaches to the establishment of mandatory facts necessary for criminal liability for the public dissemination of deliberately false (fake) information under the guise of reliable, when there is a significant increase in such information in the Russian segment of the Internet. The opinion is expressed that the subject of proof in criminal cases on the dissemination of fakes is subject to specification and detail, and among the circumstances to be proved, it is necessary to determine the disseminated information as malicious, its deliberate falsity and dissemination under the guise of reliable, as well as the publicity of such dissemination.

It is substantiated that the collection of evidence on crimes of the dissemination of deliberately false (fake) information is a significant difficulty due to the specified range of circumstances to be proved, and the specifics of the traces, their localization, nature, methods of seizure and subsequent preservation. In the field of legislative regulation of criminal procedural activities for the collection of evidence, it is proposed to carry out not only traditional investigative actions (inspection of the scene, inspection of objects, appointment and production of forensic linguistic and other examinations, search and seizure), but also a new type of inspection — Internet resources, information space messengers, social networks, etc.

Keywords: knowingly false information, the subject of proof, collection of evidence, inspection of Internet resources

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2025\)1.17](https://doi.org/10.14258/ralj(2025)1.17)

В течение 2023 г. выявлены 3 тыс. уникальных фейков и 8,4 млн случаев их распространения. Прогнозируется, что в 2024 г. число уникальных фейков возрастет до 4,5 тыс., а их копий — до 15 млн. В половине случаев из числа выявленных использовались недостоверные текстовые сообщения, 30% фейков созданы с использованием архивных фотографий и видео, не имеющих отношения к актуальным событиям, а поддельные документы использованы в 8% случаев. Дипфейки и генерация составили 0,1% от общего числа фейков, но с развитием нейросетей, как считает К. Истомин (заместитель генерального директора АНО «Диалог Регионы»), эта доля может значительно увеличиться [1].

В ст. 207.1 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан [2], причем только в 2022 г. в российском сегменте интернета отмечен рост количества заведомо ложной (фейковой) информации по сравнению с 2021 г. — с 1,5 млн до 9,3 млн т. е. в 6 раз. Больше всего фейков распространялось в соцсетях «ВКонтакте» (24% от общего числа), «Одноклассники» (21%) и в мессенджере Telegram (20%) [3].

Председатель Следственного Комитета РФ А. И. Бастрыкин сообщил, что за два года следователи возбудили 273 дела о фейках о Вооруженных силах и 81 дело — за дискредитацию армии, из них соответственно 134 и 44 дела направлено для рассмотрения в суд [4].

Преступления, связанные с распространением заведомо ложной (фейковой) информации, чаще всего совершаются с использованием технологии интернета, обеспечивающей его пользователям реализацию широких возможностей, в том числе незаконных и уголовно наказуемых, поскольку могут содержать недостоверные сведения.

А. И. Терский в своей публикации выделяет условия, при соблюдении которых наступает уголовная ответственность за так называемые фейковые преступления: 1) если распространение заведомо ложной информации происходит публично; 2) когда распространяемая информация является заведомо ложной; 3) в ситуации распространения информации под видом достоверной; 4) когда информация касается обстоятельств, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) принимаемых мер по обеспечению безопасности населения и территорий, приемов и способов защиты от указанных обстоятельств либо является общественно значимой, распространение которой повлекло по неосторожности причинение вреда здоровью, смерть человеку или иные тяжкие последствия [5, с. 33].

В литературе справедливо отмечается, что «способы придания заведомо ложной информации достоверного вида могут быть различны, такие как сфальсифицированные ссылки на компетентные источники, перефразированные высказывания публичных лиц и прочее, использование поддельных видео- и аудиозаписей, фальшивых документов либо записей, якобы имеющих отношение к рассматриваемым событиям» [6, с. 23].

Для привлечения заподозренного лица к ответственности на законных основаниях за совершение фейкового преступления необходимо получить достаточную совокупность доказательств. Причем изобличить виновное лицо непросто, поскольку указанные преступления зачастую теперь совершаются в виртуальном пространстве, в силу чего они считаются одними из самых труднодоказуемых, а сбор доказательств довольно сложен [7].

Действительно, собирание доказательств по преступлениям о распространении заведомо ложной (фейковой) информации представляет серьезную сложность, поскольку связано с двумя проблемами, до настоящего времени находящимися на этапе обсуждения, а пути их преодоления только формируются.

Первая проблема — определение предмета доказывания. Установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, осуществляется в той последовательности, как указано в ст. 73 УПК РФ, когда первоначально решаются вопросы о наличии события преступления и виновности лица в его соверше-

нии, как обстоятельств, необходимых для квалификации деяния, а затем приводятся обстоятельства, влияющие на назначение наказания, а также способствовавшие совершению преступления.

Определение предмета доказывания, как определенного алгоритма процессуальной деятельности, состоит в том, что он позволяет преодолевать бессистемность в сборе доказательств, обеспечивает процессуальную экономию и выступает гарантом обеспечения прав участников уголовного судопроизводства.

Однако законодательно определенный предмет доказывания вовсе не означает, что по конкретному уголовному делу не применяется индивидуальный подход к его установлению, в силу специфических особенностей совершения преступного посягательства (времени, места, способа и др.). Полагая, что влияние на конкретизацию предмета доказывания оказывает не только уголовно-правовая характеристика конкретного состава преступления, но и отдельных их групп, в числе которых с полным правом укажем и фейковые преступления, по которым возникает очевидная потребность в детализации предмета доказывания, с учетом юридически важных признаков этой группы преступлений.

Важно учитывать, что при установлении события фейкового преступления, т. е. того круга обстоятельств, которые характеризуют существенные признаки объективной стороны и объекта этих преступлений, необходимо определить, имело ли место событие преступления, в чем конкретно оно выражалось, каким образом осуществлялось, каковы последствия этого деяния и причинная связь между деянием и последствиями. Кроме времени, места и способа совершения преступления закон предписывает доказывать и другие обстоятельства, образующие событие преступления, которые могут относиться к характеру преступных действий, последующим действиям по сокрытию их следов.

Виновность, в смысле ст. 73 УПК РФ, включает в себя не только субъективную сторону, но и субъекта преступления, а также все его признаки. Здесь необходимо отличать вину в уголовно-правовом смысле как психическое отношение лица к совершенному деянию (признак преступления) и виновность в уголовно-процессуальном смысле. Виновная ответственность позволяет отграничить преступные действия от не преступных, когда необходимо доказать не только виновность лица в совершении преступления, но и форму его вины.

Общий подход при определении обстоятельств, необходимых для квалификации деяния о публичном распространении заведомо ложной (фейковой) информации, таков: следовательно, а затем и суд должны убедиться на основе достаточной совокупности доказательств (повторим это еще раз) в том, что имевшее место событие является общественно опасным, виновным, противоправным и уголовно-наказуемым деянием, содержащим все признаки состава преступления, определенного в особенной части УК РФ.

Верховный Суд РФ в Обзоре от 30 апреля 2020 г. разъяснил, что «одним из обязательных условий наступления ответственности по статье 207.1 или 207.2 УК РФ является распространение заведомо ложной информации под видом достоверной. О придании ложной информации вида достоверной могут свидетельствовать, например, формы, способы ее изложения (ссылки на компетентные источники, высказывания публичных лиц и пр.), использование поддельных документов, видео- и аудиозаписей либо документов и записей, имеющих отношение к другим событиям».

В том же Обзоре указано, что «распространение заведомо ложной информации... следует признавать публичным, если такая информация адресована группе или неограниченному кругу лиц и выражена в любой доступной для них форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств)».

Причем вопрос о наличии признака публичности распространения информации должен разрешаться с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств. При этом следует учитывать, что публичный характер распространения заведомо ложной информации может проявляться в использовании для этого средств массовой информации, информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе мессенджеров (WhatsApp, Viber и др.), в рассылке электронных сообщений абонентам мобильной связи, распространении такой информации путем выступления на собрании, митинге, распространения листовок, вывешивания плакатов и др. [8]

Опираясь на научный подход и позицию Верховного Суда РФ относительно обязательных условий наступления уголовной ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации под видом достоверной, отметим, что их несоблюдение не позволяет установить и доказать обстоятельства, необходимые для квалификации деяния.

Проиллюстрируем это примером из практики.

В г. Краснодаре почти 4 года продолжалось уголовное преследование общественной активистки Т. Захаровой, которая сначала органами предварительного следствия, а затем двумя судебными инстанциями была обвинена в публичном распространении заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207.1 УК РФ).

Обстоятельства дела таковы: в самом начале карантина, объявленного на Кубани в связи с пандемией COVID-19, была введена пропускная система, которая создавала массу проблем. Позднее появилась информация об изменении порядка выдачи пропусков. Первым эту информацию разместил 4 апреля 2020 г. местный блогер, взявший новость с официального сайта мэрии г. Краснодара. Что характерно, в отношении блогера А. Завьялова было принято решение об отказе возбуждения уголовного дела за отсутствием в его действиях состава преступления.

Спустя почти неделю эту информацию одна из коллег-общественниц переслала Захаровой, а та слово в слово перепостила ее на своей странице в соцсетях. И стала в итоге фигуранткой возбужденного уголовного дела, поскольку на официальном сайте мэрии появился скриншот «ее новости» с пометкой «фейк». Обвинение по делу Захаровой было построено исключительно на заключении эксперта, где дана оценка текста об изменении порядка выдачи пропусков, согласно которой у блогера Завьялова этот текст «не носит негативного характера», а вот у Захаровой — «представляет угрозу жизни и безопасности широкого круга лиц, способен провоцировать нервное напряжение граждан, ухудшение их психологического и физического здоровья» [9].

14 мая 2024 г. Четвертый кассационный суд отменил все судебные решения по этому делу в связи с отсутствием состава преступления. Кассационным постановлением за Захаровой признано право на реабилитацию [10].

Приведенный пример наглядно демонстрирует, что, несмотря на разнообразие способов придания заведомо ложной информации достоверного вида, для привлечения лица к ответственности за совершение фейкового преступления необходимо соблюдение обязательных условий наступления уголовной ответственности, а следователь и суд должны располагать неопровержимой и непротиворечивой совокупностью доказательств.

Думается, что конкретизация предмета доказывания по делам о фейковых преступлениях выражается в установлении совокупности следующих обстоятельств:

- определение распространяемой информации как вредоносной (установление причинно-следственной связи между информацией, ее распространением и наступившим или потенциально возможным вредом для охраняемых законом прав и законных интересов);
- заведомая ложность информации (прямой умысел виновного на формирование не соответствующей действительности совокупности сведений) и ее распространение под видом достоверной (прямой умысел виновного, выражающийся в активной деятельности по доведению указанной информации до посторонних людей). В этой части хотим особо обратить внимание на то, что непосредственное формирование ложной информации необходимо отграничивать от ее распространения, и поэтому действия, связанные с формированием ложной информации и ее распространением, должны иметь свою уголовно-правовую оценку. Так, подготовка ложной информации, подыскание способов ее распространения может рассматриваться как приготовление к преступлению;
- публичность распространения (прямой умысел виновного, осознающего, что доводит заведомо ложную информацию до неограниченного круга лиц).

А теперь перейдем к рассмотрению *второй проблемы* — об особенностях производства следственных действий, направленных на обнаружение, получение и закрепление в установленном законом порядке сведений, необходимых для восприятия объективно существующих следов произошедшего события фейкового преступления. Для установления обстоятельств, включенных в предмет доказывания, необходимы именно доказательства, т. е. лишь те сведения, которые имеют определенную законом процессуальную форму.

Учитывая специфику приведенного перечня сведений, подлежащих обязательному выявлению и установлению процессуальными средствами, укажем в общих чертах, с учетом ограниченного объема данной работы, на типичные следственные действия, производство которых может гарантировать формирование необходимой доказательственной базы.

На наш взгляд, для выявления такого рода преступлений в приоритетном порядке производятся: осмотр места происшествия, осмотр предметов (компьютера, мобильного телефона, иного технического устройства), которые могут рассматриваться как средства совершения преступления, а также различные судебные экспертизы, в том числе лингвистические, в отношении сведений, которые могут быть обнаружены.

Осмотр места происшествия проводится по общим правилам (ст. 176 УПК РФ). Заметим, что промедление с началом производства осмотра места происшествия может повлечь за собой необратимые последствия: изменение обстановки места происшествия, исчезновение следов и предметов, относящихся к преступлению, и др. Кроме того, достаточно часто без учета данных осмотра места происшествия невозможно решить вопрос о наличии (отсутствии) основания для возбуждения уголовного дела.

Как справедливо отмечают Г.Г. Небратенко и В.М. Харзинова, при осмотре «поиск и фиксация информации, находящейся в компьютере, осуществляется не только на месте нахождения компьютерной техники, где изначально распространена данная информация, но и на других объектах: в онлайн-хранилищах, (Яндекс, диск, Облако Mail и т.д.), жестких дисках, планшетах, телефонах, флеш-накопителях, лазерных и магнитных дисках для копирования компьютерной информации» [11, с. 157].

При производстве осмотра места происшествия по рассматриваемой категории преступлений могут быть изъяты жесткие диски компьютеров, ноутбуки, планшеты, мобильные телефонные аппараты, иные электронные носители информации, а также периферийные устройства, подсоединенные к компьютерам и устройствам телекоммуникации.

С учетом особой сложности осмотра, которая заключается в том, что программная часть персонального компьютера, как правило, не может быть осмотрена только путем непосредственного восприятия следователем, «для доступа к интересующим следствие данным, — пишет М. В. Меркулова, — требуется масштабное использование специальных знаний и соответственно помощь специалиста (иногда нескольких)» [12, с. 153].

Разделяя мнение М. В. Меркуловой, уточним, что содействие специалиста в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов по делам о фейковых преступлениях востребовано не только при осмотре места происшествия, но и производстве других следственных действий.

Однако, как представляется, это далеко не все особенности, связанные как с производством указанных в уголовно-процессуальном законе следственных действий, так и с их перечнем.

Производство осмотра места происшествия должно преследовать процессуально значимый результат. При решении такой задачи, как выявление признаков совершения фейкового преступления, основная задача заключается в получении ответов на такие вопросы: где, когда, что именно было распространено, в какие именно публичные источники эта информация попала? Соответственно важно подчеркнуть, что следователь при установлении признаков совершенного преступления в рамках осмотра места происшествия должен обратить внимание, как минимум, на две группы обстоятельств:

- 1) активная деятельность по формированию информации как ложной:
 - наличие в компьютере папок, файлов (фото, видео и др.), иного информационного поля, содержащего ложную информацию в отношении какого-либо лица;
 - форматирование документов, вариантов подготавливаемых фейковых документов;
 - использование специальных программ, позволяющих модифицировать голос, движение (deep fake), форматировать фото-, видеоизображение, осуществлять монтаж видеороликов и др.;
- 2) активная деятельность по публичному распространению заведомо ложной информации:
 - наличие предположительно ложной информации на публичных ресурсах;
 - длительность ее нахождения на этих ресурсах (если она была удалена);
 - количество просмотров информации (при наличии таких сведений);
 - время поступления информации, ее объем, метаданные;
 - внесение правки в информацию или метаданные, с возможным установлением этих фактов при осмотре (в любом ином случае потребуются помощь специалиста уже вне процедуры осмотра места происшествия);

- установление IP-адреса компьютера, с которого эта информация была выложена на публичные ресурсы, и др.

Для следователей можем высказать такую рекомендацию. С целью грамотного и профессионального формирования доказательственной базы по такого рода преступлениям при осмотре места происшествия необходимо устанавливать не только наличие программы (например, позволяющей создавать фейковые сведения, включая монтаж deep fake), но и фиксировать, с какого компьютера осуществлялось распространение информации, имелись ли технические возможности компьютера поддерживать эти программы, объемы жестких дисков, их количество, видеокарты, их уровень и другие параметры. Подчеркнем, что такого рода соответствие (между качеством распространенной информации и уровнем технической оснащенности компьютера) является важным обстоятельством, способным доказать сам факт совершения преступления с помощью именно этого компьютера.

Приведенные сведения и рекомендации закономерно указывают на очевидные процессуальные особенности как в производстве осмотра места происшествия, предметов и их частей, так и в процессуальном закреплении следов преступления. Не останавливаясь подробно на этих деталях, обратим внимание только на одно, как представляется, существенное обстоятельство.

Перечисленные сведения не могут быть получены исключительно путем осмотра компьютера и имеющегося программного обеспечения, с использованием которого осуществлялась активная деятельность по формированию и распространению заведомо ложной информации. В этом случае есть основание для утверждения о необходимости предусмотреть в законе новый познавательный прием в виде неизвестного ранее процессуального осмотра *интернет-ресурсов, информационного пространства мессенджеров, социальных сетей и др.*

Предлагаемый к закреплению в законе новый вид осмотра позволит обеспечить фиксацию таких обстоятельств, как активное «перемещение» преступной деятельности в виртуальное пространство, включая совершение рассматриваемой категории преступлений именно в цифровой среде. Полагаем, что сегодня назрела необходимость формирования процедуры этого вида осмотра, с учетом особенностей его производства.

Что касается решения о производстве обыска или выемки при расследовании преступлений о распространении заведомо ложной информации, то оно принимается в общем порядке — в зависимости от того, насколько достоверно известно следователю, где и у кого находятся объекты, имеющие значение для дела. В этой связи следует отметить некоторые особенности поиска по делам о фейковых преступлениях. В частности, для подтверждения виновности могут понадобиться документы, подтверждающие наличие у подозреваемого (обвиняемого), например, специального образования (дипломы, сертификаты, патенты), опыта работы (трудовые договоры с IT-фирмами). Не менее существенным направлением, способным помочь в выявлении и доказывании необходимых обстоятельств, является приобретение специфического программного обеспечения.

Соответственно целесообразно запланировать запросы в учебные заведения, центры повышения квалификации соответствующего профиля, торговые организации, а также последующее производство выемки соответствующей документации.

Особое внимание следует уделить получению подлинной информации, которая стала основанием для формирования фейка (для искажения): умысел подозреваемого (обвиняемого) может быть доказан только при условии, что он знал истинную информацию и намеренно ее искажал. Соответственно необходимо производство следственных действий в направлении определения источников получения такого рода информации. Одним из таких источников сведений могут стать показания.

Допрос — самое распространенное следственное действие, направленное на получение показаний о любых обстоятельствах, имеющих значение по уголовному делу о распространении заведомо ложной информации.

В качестве свидетелей по уголовным делам о публичном распространении заведомо ложной информации допрашиваются лица, которым известны определенные обстоятельства совершения преступления, например, когда они непосредственно присутствовали при распространении ложных сведений либо указаны в документах, изъятых в ходе осмотра места происшествия, обыска или выемки. При допросе подозреваемого выясняются обстоятельства совершения преступления (время, место, способ и средства), мотив и отношение к последствиям преступления. В ходе допроса подозреваемого требуется уточнить, действительно ли он является автором распространенных сведений, каким

образом они стали ему известны, обладал ли информацией о том, что указанные сведения ложные, с помощью каких технических устройств осуществлялось распространение и может ли их представить следователю.

Особенность назначения и производства судебных экспертиз по факту распространения заведомо ложной информации состоит в том, что обычно это связано с исследованием продуктов речевой деятельности, когда необходимы познания в сфере лингвистики. Основной задачей такой экспертизы является «установление способа подачи содержащейся в материале информации» [13].

Если объектом исследования служит устная речь, то сначала проводится фоноскопическая экспертиза, в рамках которой устанавливается дословное содержание этой речи, либо возможно сразу назначение комплексной фоноскопическо-лингвистической экспертизы. В то же время эксперт не вправе устанавливать заведомо ложный характер информации, ее соответствие или несоответствие действительности, определять признаки общественной значимости, поскольку эти обстоятельства выходят за пределы экспертной компетенции [14].

Подводя итог проведенному исследованию, отметим главное.

Научный подход к установлению обязательных фактов, необходимых для наступления уголовной ответственности за публичное распространение заведомо ложной (фейковой) информации под видом достоверной, обуславливает конкретизацию предмета доказывания. В числе обстоятельств, подлежащих доказыванию, укажем следующие:

- определение распространяемой информации как вредоносной;
- заведомая ложность информации;
- ее распространение под видом достоверной;
- публичность распространения.

Собирание доказательств по преступлениям о распространении заведомо ложной (фейковой) информации, представляет существенную сложность обусловленную уточненным кругом подлежащих доказыванию обстоятельств и спецификой следов, их локализацией, характером, способами изъятия и последующего сохранения.

В рамках собирания доказательств предлагается не только производство традиционных следственных действий, но и обоснована необходимость разработки процедуры проведения новой разновидности осмотра — осмотра интернет-ресурсов, информационного пространства мессенджеров, социальных сетей и др.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. В 2023 году в России появилось три тысячи уникальных фейков // Бел. RU. 2023. 13 октября.
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 01.04.2020 № 100-ФЗ // СЗ РФ. 2020. № 14 (ч. I). Ст. 2030.
3. Петухов Ю. За год количество фейков в интернете выросло в 6 раз // Облгазета. RU. 2022. 20 декабря.
4. СК назвал число уголовных дел за фейки и дискредитацию армии // РИА «Новости». 2024. 15 января.
5. Терских А. И. Уголовный закон в реалиях информационного общества: новости «фейковые» — наказание реальное // Законность. 2022. № 8. С. 33.
6. Конин В. В., Корсаков К. А., Сидоренко Е. В. Некоторые вопросы, касающиеся преступлений, направленных на публичное распространение заведомо ложной информации (ст. 207.1, 207.2, 207.3 УК РФ) // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2023. № 2. С. 23.
7. Плотникова К. А. Сбор доказательств по статьям Уголовного Кодекса РФ, регулирующим публичное распространение заведомо ложной информации // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства и криминалистики : ст. Всерос. студ. интернет-конф. Омск : Сибирский юридический университет, 2024.
8. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30 апреля 2020 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 6.

9. Павловская Т. Фейк с ними: гражданскую позицию краснодарские чиновники подвели под уголовную статью // Российская газета. 2023. 19 февраля.

10. Павловская Т. Суд в Краснодаре оправдал героиню «РГ» по делу о распространении фейков // Российская газета. 2024. 14 мая.

11. Небратенко Г. Г., Харзинова В. М. Следственные ситуации и особенности тактики проведения первоначальных следственных действий при расследовании преступлений в сфере умышленного распространения заведомо ложной информации в СМИ и информационно-телекоммуникационных сетях // Юрист-Правоведъ. 2023. № 2. С. 157.

12. Меркулова М. В. О некоторых проблемах осмотра персонального компьютера // Проблемы борьбы с преступностью в условиях цифровизации: теория и практика : сб. ст. XVIII Междунар. науч.-практ. конф. «Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае». Вып. XVI; отв. ред. С. И. Давыдов, В. В. Поляков. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2020. С. 153.

13. Минюст разъяснил правила проведения экспертиз по статьям о фейках и дискредитации армии // Общество. 2022. 2 августа.

14. Что важно знать об экспертизе по делам о фейках? // АНО «Судебно-экспертное агентство». 2022. 28 сентября.